

ТВ-КУЛЬТУРА

В МИНУВШУЮ неделю телепрограмма едва ли не более обычного была заполнена передачами об искусстве, культуре, «жизни человеческого духа». Но вот, накануне выборов, одиннадцатого декабря, телевидение напомнило: сегодня 75 лет Александру Исаевичу Солженицыну. Две передачи о нем в субботу, еще одна — в воскресенье, и все прочие впечатления ушли, изумив своей — оказалось! — необязательностью.

Осталось лишь одно — личность Солженицына. В первой встрече о нем рассказывали, вспоминали, размышляли другие, близкие ему, знавшие его. Жанр очерка-воспоминания, пожалуй, не очень себя оправдал. Не хватало самого Солженицына, которого мы увидели в тот же вечер по Российскому ТВ в фильме «Секретные встречи в Москве» (он снят шведскими кинематографистами).

В центре фильма — беседа Солженицына с давним другом, работавшим в 70-е в Москве шведским корреспондентом. Они вспоминают прошлое, слежку и травлю КГБ, свои «секретные встречи», выстроенные по всем канонам детектива; наконец, отъезд Солженицына с семьей. Они обсуждают и жизнь Солженицына на Западе, в США, и непростые его с Западом взаимоотношения. И, конечно же, говорят о России. Горько, резко о ее настоящем, куда горше, чем о прошлом, казалось бы, столь для него лично тяжком, о том, как ее «обустроить».

*Экран и сцена - 1993 -
16-23524 (1250) - С. 6.*

Возвращение — не остановка

На экране почти все время — лицо Солженицына (превосходно выглядит он в свои 75!). Ни одной фальшивой интонации. Никаких амбиций и позы пророка, «живого классика». Облик сколь прост, столь же и одухотворен (мужик и мыслитель, подобно Льву Толстому). И в рассуждениях — ни злобной агрессивности, ни нетерпимости, ни мстительного чувства, ни гордости всезнайства. Никаких признаков той всеобщей нашей сегодняшней болезни, которую Аполлон Григорьев еще в прошлом веке назвал — «вечное бешенство».

Кажется, Солженицына слова — все те же, которые и от частого и неловкого употребления стерлись как старая монета. Но в его устах они звучат по-иному. И самое привлекательное в его рассуждениях (спорных и бесспорных, каждый относится к ним по-своему) — то, что у него, по определению М. Ростроповича, «взгляд с полета». Он долгие годы был, жил — там. Но, быть может, более всех нас — здесь.

Продолжились встречи с Солженицыным и на другой день. «Я обещаю никогда не изменить истине» — так названа передача Российского ТВ.

Фраза эта покажется чуть высокопарной, но выпренность чужда Солженицыну, а искренность свойственна. К тому же и интонация передачи проста и серьезна, а размышления о Солженицыне — мы слышим и А. Н. Яковлева и О. Н. Ефремова — комментируются, объективизируются, еще и лини-интервью с людьми из уличной толпы. «Как спасителя я его не вижу», «он опоздал, вот год-два назад был бы властителем дум». Но сам писатель не претендует на знание Истины — «он к ней лишь стремится, ищет ее и любит».

Он понимает одно: не нужно суетиться и мелочиться, надо просто жить и делать «свою работу» (так говорит он о своем творчестве), не растравляя себя ненавистью и гневом, даже праведным. И снова вспоминаю толстовское: «делай, что должно и пусть будет, что будет». А Истина, «она все равно в истории проявится».

И перспективу своей жизни на родине он видит весьма трезво: «свободы слова у меня, возможно, не будет», «работать столько, сколько здесь, я не смогу. Политикой заниматься не буду, буду только высказывать свои взгляды. Мой союзник — не партии, не политические деятели, а простой народ, провинциальный, немосковский. С ним и буду общаться...»

Один из представителей этого народа в последней передаче, в конце ее сказал просто: «Все сейчас уезжают из России, знаменитости уезжают, а он — возвращается. Человек возвращается на родину — что может быть лучше?»

«Неостановившийся человек» — сказано о Солженицыне. И возвращение в Россию для него — тоже не остановка.

Марина МУРЗИНА.